



# мурзилка

ДЕКАБРЬ  
№ 12  
1975

ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА ДЛЯ ОКТЯБРЯТ





# ВЕСЁЛЫЙ ТАНЕЦ

*Октябрятам для новогодней ёлки*

Л. КУЗЬМИН

Рис. А. БРЕЯ

Музыка М. ПРОТАСОВА

Не спеша

8--

Три-та-туш-ки, три-та-туш-ки, три-та-ту-шеч-ки!

Три ват-руш-ки, три ват-руш-ки, три-ват-ру-шеч-ки!

Лю-бят, лю-бят ре-бя-тиш-ки, все дев-чон-ки и маль-чиш-ки С пы-лу-жа-ру зо-ло-тис-ты-

-е пам пу-шеч-ки! Лю-бят, лю-бят ре-бя-тиш-ки, все дев-чон-ки и маль-чиш-ки

С пы-лу жа-ру зо-ло-тис-ты-е пам-пу-шеч-ки.

1. Три-та-ту-шеч-ки.

2. Три-та-ту-шеч-ки.





Не далеко, не близко, не высоко, не низко, а в одном уютном городке, в светлых домиках жили-поживали мастерицы-кружевницы. Они весь день стучали коклюшками и плели белые кружева.

В городской пекарне хлопотали у горячей печки румяные пекари и пекли вкусные румяные булки.

Рядом с пекарней была мастерская, там работали бойкие башмачники, они кроили и тачали прекрасные туфельки.

А на самом краю посёлка стояла шумная высокая фабрика. На этой фабрике трудились ткачихи, они ткали такие весёлые ситцы, что да-

же зимой казалось: бегут от станка к станку по светлым дорожкам зелёные травы и весенние цветы.

И вот однажды в праздничный, не слишком студёный вечерок все мастера собрались на улице и принялись танцевать прямо под пушистыми от инея берёзами старинные танцы «Кадриль», «Польку-бабочку» и даже сплясали «Камаринскую».

Но вдруг пекари остановились, громко хлопнули, топнули и сказали:

— Мы придумали новый танец. Называется «Три ватрушки». Смотрите и слушайте:



Тритатушки, тритатушки,  
Тритатушечки!  
Три ватрушки, три ватрушки,  
Три ватрушечки!  
Любят, любят ребятишки,  
Все девчонки  
И мальчишки  
С пылу-жару золотистые пампушечки!

— Ясно, ясно! Вы придумали песенку и танец про свою работу, — сказали мастерицы-кружевницы. — А мы хотим про свою! Наша не хуже! Пускай танец называется «Три коклюшки».

Тритатушки, тритатушки,  
Тритатушечки!  
Три коклюшки, три коклюшки-  
Погремушечки!  
Будут, будут ребятишкам,  
Всем девчонкам  
И мальчишкам  
Кружева на белоснежные подушечки!

Ткачихи тоже не растерялись.  
Они запели:

Тритатушки, тритатушки,  
Тритатушечки!  
Дайте шёлку три катушки,  
Три катушечки!  
Утром встанем спозаранку,  
Выткем скатерть-самобранку  
Для мальчишек и девчонок  
В полминуточки!

А башмачники разве могли такое стерпеть? Нет, не могли! Правда, подходящего, складного словечка

про туфельки, про своё любимое дело у них в запасе не было, но они подумали, подумали, да и грянули:

Тритатушки, тритатушки,  
Тритатушечки!  
Три туфлюшки, три туфлюшки,  
Три туфлюшечки!  
Пара туфель для девчонок,  
Пара туфель для мальчонок,  
А которые без пары — на игрушечки!

И тут начался такой тарарам, все стали так друг друга перекрикивать, перебивать, что танцы остановились.

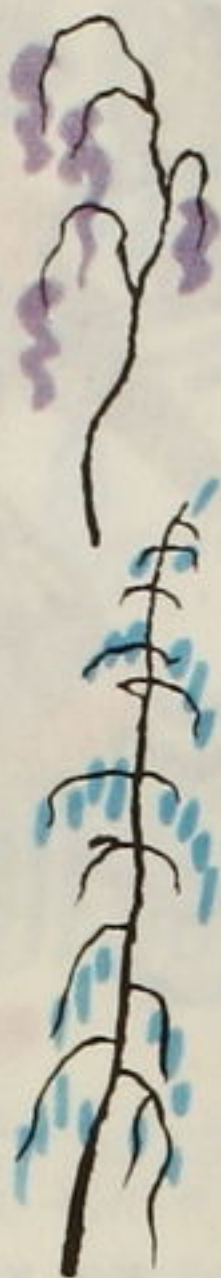
И танцы остановились, и настроение пропало, и все засобирались домой, да тут опять выступили развесёлые кружевницы:

— Погодите, погодите! Вставайте обратно в круг! Песенку для танца можно спеть ещё вот как:

Три туфлюшки, три туфлюшки,  
Три туфлюшечки!  
Три катушки, три ватрушки,  
Три коклюшечки!  
Что нам спорить? Ясно дело:  
Все мы трудимся умело,  
Так станцуем вместе танец  
«Тритатушечки»!

И все сказали: «Верно!»

И все встали в круг, и все вместе принялись отплясывать новый танец, который так и называли потом очень просто и подходяще для всех — «Тритатушечки».



Валентин БЕРЕСТОВ

## СТУК В ОКНО

Вот и нам узнать дано,  
Как зима стучит в окно.  
А в окно синица ломится,  
Хочет сала поклевать  
И мечтает познакомиться,  
С кем ей нынче зимовать.



## ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

Возьмём с собой сушёных груш  
И двинемся в лесную глушь.  
Одни — в далёкий путь.  
Я у Старкова за спиной,  
Спешит Красильников за мной —  
Назад не повернуть.

Взлетают палки наши в лад,  
И наши лыжи в лад скрипят.  
Всё дальше, дальше дом.  
Но мы — мужчины, и к тому ж  
У нас запас сушёных груш  
И мы не пропадём!

Рис. В ДМИТРИЮКА







Семьдесят лет назад улицы Москвы покрылись баррикадами. Днём и ночью гремела стрельба, и морозное солнце вставало в огненных вспышках выстрелов и зареве пожарищ. Это рабочие, восставшие против угнетателей, вели упорные

## НА БАРРИКАДАХ ПРЕСНИ



бои с жандармами и солдатами царя. В деревнях крестьяне сжигали помещичьи усадьбы. А матросы брали власть на кораблях. Революция, как быстрое пламя, охватила всю страну. Самые сильные, самые жестокие бои велись в Москве на баррикадах Пресни. Революция 1905 — 1907 годов не победила. Но жертвы были не напрасны. Рабочие, крестьяне, солдаты и матросы, руководимые большевиками, Владимиром Ильичём Лениным, научились сплочённо бороться и в октябре 1917 года пришли к победе.

*Рис. В. ЛОСИНА*

Е. Сперанский

# ВАСЯ ФОКИН

## В СТРАНЕ ПОСЛОВИЦ

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

ЭПИЗОД СЕДЬМОЙ:

### ПИР ГОРОЙ, ДЫМ КОРОМЫСЛОМ!

Очнулся Вася только во время пира, когда царь Горох провозгласил:

— Восьмую чару пить — ум веселить!

Вася пронёс чару мимо рта и незаметно выплеснул через плечо. А все гости выпили, грохнули пустые чары о стол, и сейчас же за стенами дворца прогремела пушка.

рисовал Л. Токмаков

«Вот отчего здесь дым коромыслом, — подумал Вася, — восемь раз уж всё это было». Сквозь дым он смутно видел сидящего напротив него царя Гороха, старого, с ног до головы мхом заросшего, золотая корона и та была у него с прозеленью. Но голос у царя был зычный, глаза сверкающие.

— Ну, как тебе, любезный принц, понравилась моя дочь, распрекрасная Дурында?

Вася растерялся: никакой Дурынды он до сих пор не видел.

— Ваше высочество, — шепнул Главный Советник, сидящий справа, — взгляните налево.

Вася взглянул и увидел рядом с собой девуцу. Она была вся в кружевах и лентах, словно только что выпрыгнула из свадебной машины «Волга» или «Чайка». В одной руке она держала голопuzого куклѐныша, в другой — воздушный шарик на ниточке. Может быть, она и была прекрасна, он этого не заметил. Заметил только, что имя Дурында очень к ней подходило. Но царь ждал ответа, сверкая глазами, и Вася пробормотал:

— Трам-блям!

— Опять «трам-блям»! — удивился царь. — Эдак скоро и я по-голландски заговорю!

«Значит, не раз уж он обращался ко мне с вопросом, — подумал в страхе Вася, — а я отвечал: «Трам-блям», а двухголовая тѣтя Ум хорошо, а два лучше переводила».

— Ну а перевести — это уж я теперь и своим умом могу! — воскликнул царь. — Очень ему наша Дурында нравится. Горько!

И все гости гаркнули вслед за царѐм:

— Горько!!!

— Ваше высочество, — опять шепнул Главный Советник, — когда кричат «горько», жених с невестой целуются.

— Ой, я стесняюсь! — воскликнула Дурында и так чмокнула Васю в ухо, что он временно на это ухо оглох. Но тут уж Васино терпение кончилось.

— Не хочу жениться, а хочу учиться! — закричал он, вскочив со стула.

— Вот тебе и «трам-блям», — выпучил глаза царь Горох.

*„И наступила мѣртвая тишина“* — как написал потом в своём отчёте Вася.

А в этой тишине вдруг проскрипело:

— И никакой это не принц, а Васька-самозванец... Фокин его фамилия.

Вася взглянул наискосок — и что же увидел? За столом премило восседает Улита едет — когда-то будет со своим домиком-завитушкой! Успела приползти пучеглазая «мадама», рогатая ябеда!

— И хочет он, между прочим, царь-батюшка, тебе голову оторвать!

— Ух ты! — вскрикнула Дурында и упала в обморок.

— Как?! — воскликнул царь Горох и в гневе разорвал мох у себя на груди. — Мне голову оторвать?! Да я, поговорка, у всех на языке! Да я...

И вдруг заплакал. Плакал царь Горох слезами гороховыми: они падали из его сверкающих глаз и скакали, катались по столу...

— Уж не сын ли он инженера Фокина, — плача, говорил царь, — а похож, ей-богу, похож! Эх, а ведь я его папу знаю: почтенная личность! Выступит, бывало, на собрании: «Как работаем? Разве это работа?» А я уж тут как тут, скок ему на язык! И скажет инженер Фокин: «При царе Горохе так работали!» — «Верно, — закричат новаторы-рационализаторы, — так при царе Горохе работали!»

Но увы, как говорили в старину, недолго царь плакал горохом. Он снова вошёл в гнев и закричал на Васю:

— А вам, молодой человек, я гляжу, всё это как горох об стенку?!

И царь сгрѐб со стола свои слѣзы и метнул их через стол в стену. Слѣзы-горошины стукнулись об стену и полетели обратно кому в лоб, кому в бровь, а Васе и вовсе не в бровь, а в глаз, так что он на время даже окривел.

— Позвать палача Где раки зимуют! — закричал царь. И когда вошла в зал эта ужасная личность, распорядился, указывая на Васю:

Взять его в охапку,

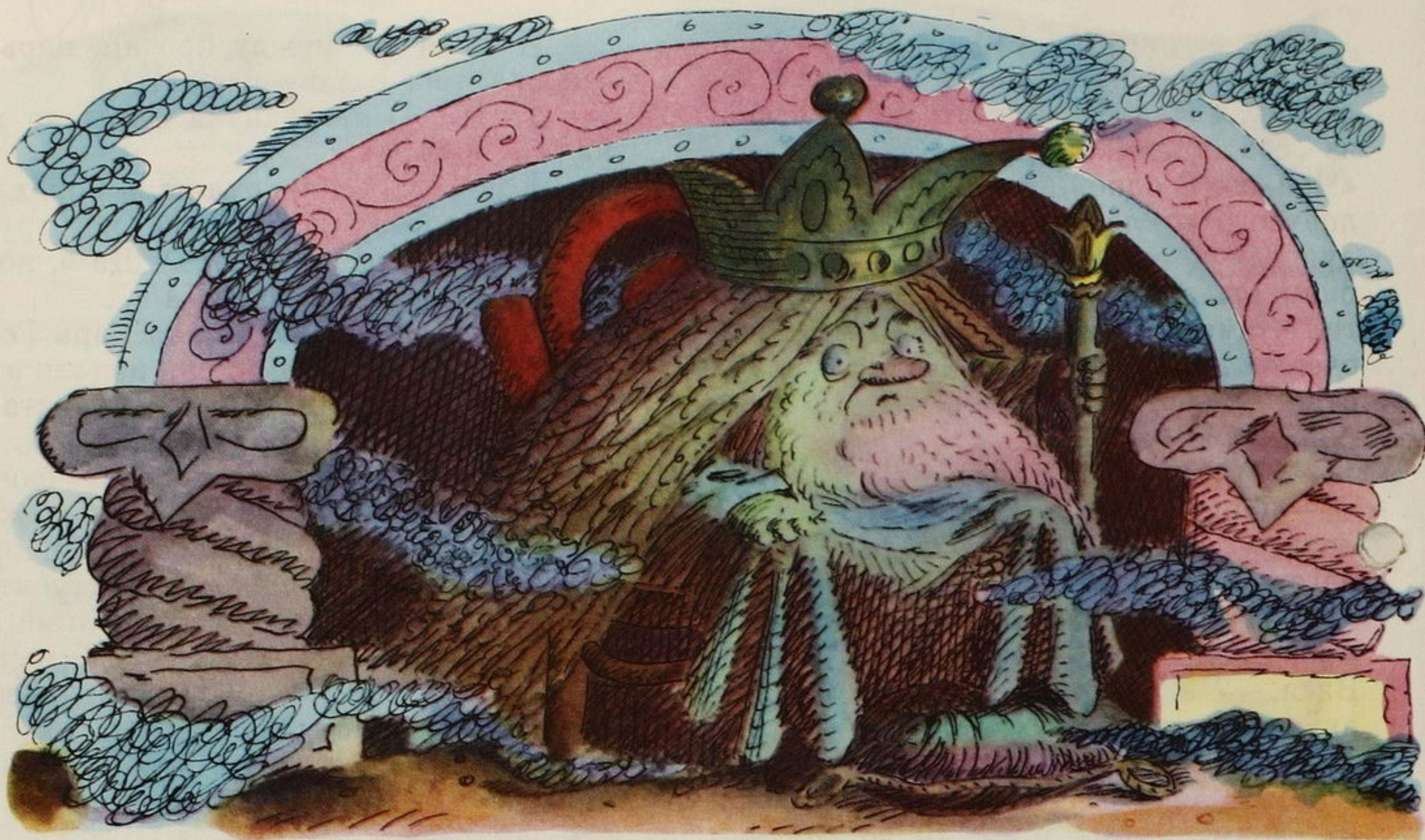
Надеть на него шапку,

Заложить в пушку по самую макушку

И выстрелить вместо бомбы,

Чтобы помнил меня потом бы!

Издав этот устный приказ, царь Горох вдруг заикался и покинул зал. И в мѣртвой тишине, которая опять наступила, все слышали топот коня. Вася было обрадовался отъезду царя Гороха. Но Главный Советник сказал:



— Приказ есть приказ.

И палач Где раки зимуют взял Васю в охапку...

Перед казнью Вася вёл себя очень достойно.

— Плач, рыдай, принц голландский! — сказал ему солдат Яшка при всём народе. — Пора тебе в пушку лезть!

Но Вася скинул шапку, которую ему нахлобучили на глаза, и сказал небольшую речь:

— Прощай, небо голубое! Прощай, земля зелёная! Облака белые, пушистые, до свидания!

Эта речь до слёз всех расстроила. Солдат Яшка плакал, упаковывая Васю в пушку и забивая пыжом. Где раки зимуют и тот плакал крупными слезами. Обратите внимание, что последнее слово у Васи в речи было не «прощайте», а «до свидания», и это очень правильно: нельзя терять надежды даже в самом безнадежном положении!

Уже в пушке Вася опять впал в за-

бытьё, забыл, что и как дальше было. Показалось только: перед выстрелом после объявления о пятиминутной готовности будто шепчет ему знакомый голос:

— Не тужи, сердце в кулак сожми... Два горя вместе — третье пополам... Я тут, я с тобой...

А больше он ничего не помнил.

## ВОЗВРАЩЕНИЕ К ПРЕДЫСТОРИИ

*„Слезать с дерева намного трудней, чем влезать на дерево. Об этом знают все кошки на свете. Теперь знаю и я“.*

*(Из отчёта Васи Фокина)*

Началась эта история предысторией с предисловием. А теперь наступает момент, когда мы должны возвратиться к предыстории, но уже с послесловием. Помните? Во главе со своим вожатым



Митей Петуховым все побежали к трём соснам на горизонте. Прибежали — Васи нет, на полянке лежит только его баульчик для бабочек. И когда кто-то открыл его, оттуда выпорхнула большая красивая бабочка...

— А где же всё-таки Фокин? — прошептал Митя Петухов.

Ребята стали звать Васю хором. Петя Щёчкин, Лёля Брыкина, даже Митя, все кричали: «Вася!!! Фокин!!!» А Борька Северцев извлекал из своего горна пронзительные вопли. Но Вася не отзывался... И вдруг самый маленький из отряда, Лёшик сказал:

— Да вон он, Фокин!

Все подняли головы и увидели: сидит Вася Фокин на верхушке сосны. А если уж по-честному — не сидит, а висит, зацепившись штанами за ветку. И несмотря на такую неудобную позу, глаза протирает, будто только что проснулся.

Слезал Вася очень медленно. Почему? Об этом он написал в отчёте. А когда спрыгнул с последней ветки, сказал:

— Я был в Стране Пословиц. За много зим и лет съел только одну баранку. Царь Горох плачет горохом. Меня выстрелили из пушки, и вот я здесь.

Некоторые из ребят стали было смеяться, но Митя Петухов скомандовал: «Тихо!» — и, положив руку ему на плечо, сказал:

— Ничего, Фокин, ничего! Мы покажем тебя профессору Северцеву, и всё будет хорошо...

Отряд благополучно возвратился в лагерь. И были блинчики с вишнёвым вареньем. А вечером зажгли торжественный костёр по случаю «родительского дня». Среди родителей, приехавших из города, был и Борькин папа, профессор Северцев. Поговорив с Васей, он сказал:

— Мальчик вполне здоров!

А когда ему сказали, что Вася бредит какой-то Страной Пословиц, ответил:

— Ну и что? Ведь пословицы существуют? Существуют. Так почему бы не быть и Стране Пословиц?



Вот после этого разговора Митя Петухов и сказал Васе:

— Пиши отчёт в письменной форме!

## ПОСЛЕСЛОВИЕ

Как раз в это время в Вертушинках наступили дождливые дни, и Вася засел за отчёт. Под шум дождя он много размышлял о пословицах и сделал для себя некоторые выводы. Так, например, что роковую фразу «голову оторвать царю Гороху» он сказал сгоряча, говорить так не стоило. И у него появилось даже подозрение: не играл ли царь Го-

рох с ним комедию? Не подстроил ли нарочно ему и «принца голландского», и свадьбу с Дурындой? И может быть, выстрел из пушки был единственным способом перелететь через заколдованную границу и возвратиться домой? А вообще-то Вася до сих пор сомневается: было ли всё это? Не померещилось ли?.. Но в трудные минуты жизни он всё ещё слышит, как шепчет ему на ухо знакомый голос:

— Не тужи! Сердце в кулак сожми... Перемелется, мука будет... Завей горе верёвочкой! Это я, твой Старый друг лучше новых двух. Помнишь?



Знаете ли вы, кто написал эти стихи? Не знаете? Сейчас я вам расскажу. Написали их молодые поэты. Живут они в разных республиках, пишут каждый на своём языке, но все для детей. Одни недавно начали печататься, а у других уже есть книжки на украинском, узбекском, туркменском, чувашском, удмуртском языках. Наши поэты перевели их стихи, чтобы они зазвучали на русском языке.

Добро пожаловать! Успеха вам на страницах „Мурзилки“, дорогие молодые друзья!

От имени редколлегии Агния БАРТО

ТЕМ,  
КТО ЛЮБИТ  
ПОЭЗИЮ

Рауф ТАЛИПОВ

## Время и ветер

Идёт минута за минутой,  
Скрывается за часом час...  
Никто не знает почему-то,  
Куда уходят дни от нас.

Летит, подобно ветру, время!  
И хочется тебе и мне  
Поймать его  
И ногу в стремя —  
И вдаль на вечном скакуне!

Хотя не удержать минуты,  
Но дни, что будут впереди, —  
Легко придётся или круто —  
Ты не впустую проводи.

Перевёл с узбекского А. КОНДРАТЬЕВ

В. ЛЕВАНОВСКИЙ

## Облако

Облако, облако,  
Белая подушка,  
Не ложись ты, облако,  
Солнышку под ушко:  
Солнышко зажмурится,  
А денёк нахмурится.



СТИХИ

МОЛОДЫХ

ПОЭТОВ



Р. САРБИ

## Месяц

— Что ты, месяц, грустишь в вышине?  
Что всё время глядишь на окошко?  
Если хочешь — спускайся ко мне:  
Мы с тобой поиграем немножко...

Начал месяц спускаться и вдруг  
Зацепился рогами за сук.  
Ничего... Сейчас выйду к нему,  
Поднимусь на сосну — и сниму.

Перевёл с чувашского Игорь МАЗНИН



Р. САРБИ

## Дымок

Утро. Тишь. Мороз колючий.  
Скрип дверей и звон дорог.  
Из трубы всё выше, круче  
Поднимается дымок.

Он уходит в небо свечкой.  
Он в натопленном дому  
Распростился с мамой-печкой,  
В небе холодно ему.

И спешит он вверх подняться  
Чтоб за дальние моря  
С белым облаком умчаться  
Прямо в тёплые края.

Перевёл с чувашского Л. КУЗЬМИН

Азат РАХМАНОВ

## Хочу быть взрослым!

Если б я проснулся взрослым,  
Скажем, завтра поутру,  
То не стал бы я ребятам  
Портить криками игру,  
Говорить: «Пора домой!  
За уроки, мальчик мой!»

Если вдруг я стану взрослым  
К послезавтрашнему дню,  
Никого и никогда я  
От себя не прогоню.  
Не скажу я: «Не мешай,  
Сядь задачки порешай!»

Хорошо на свете взрослым...  
Как бы сразу подрасти?  
Может, бороду приклеить,  
Может, шляпу завести?

Перевела с туркменского  
Ирина ТОКМАКОВА

Дело было, значит, так. Жила-была Сиге-людоедка. Она жила в своём чуме посреди тундры и ела людей, как это вообще принято у людоедов. С утра до ночи она прыгала по тундре и искала, кого бы съесть. А ела она, окаянная, всех, кто попадётся. Откроет пасть — ам! — был человек — нет человека.

А прыгала она оттого, что людоед — это не человек, а половинка человека. И поэтому она прыгала на одной ноге, хватала одной рукой, глядела одним глазом, дышала и даже сопела одной ноздрёй. Говорят, что она видела не целое солнце, а только половинку. Но так ли, нет ли — не скажу.

Но вот собрались пятеро друзей, пятеро неразлучных друзей-храбрецов, и стали думать, как бы им проучить людоедку. Звали их так: первого — Камень, на котором дробят кости (около каждого чума лежит такой плоский камень, на нём удобно раскалывать большие и самые вкусные кости), второго — Половинка Иголки, третьего — Рыбий Пузырь, четвёртого — Жирное Пятно и пятого — Скрип, который мешает спать.

Весь день думали друзья. Потом наступила ночь. И потом на небо вышли сестричка луна и звёзды. Наконец Камень, на котором дробят кости, сказал:

— Надо, однако, хорошенько проучить жадную-кроважадную Сиге. Иначе она всех съест. Никого не останется.

— Однако, надо! — согласились друзья-товарищи.

— Тогда вперёд! — сказал Камень, который был известен среди друзей-храбрецов своей особой твёрдостью.

— Подожди... Как же это мы её проучим? — проскрипел Скрип, который мешает спать.

— А так! — сказал Камень. — Я всё продумал. Ты, значит, Скрип, залезешь под постель людоедки — скрипи. А когда она проснётся, то станет тебя искать повсюду в темноте. По всему чуму будет шарить рукой и скажет: «Огонь зажгу, тебя найду». Она обязательно так скажет, потому что ты ведь не дашь ей спать. Поползёт Сиге в темноте к очагу раздувать огонь, а ты, Рыбий Пузырь, сиди в очаге под золой, жди. Огонь вспыхнет, ты лопни и засори людо-



КАМЕНЬ, НА КОТОРОМ  
ДРОБЯТ КОСТИ



ПОЛОВИНКА ИГОЛКИ



РЫБИЙ ПУЗЫРЬ



ЖИРНОЕ ПЯТНО

едке глаз. Она начнёт искать воду. Ты же, Половинка Иголки, сиди в ведре. Она будет промывать глаз и пить воду, и тут ты не зевай. Только наклонит она ведро, ты скатись вниз и залезь ей в горло. Она начнёт кашлять, прыгать по чуму, наткаться на всякие вещи и захочет выйти наружу, чтобы ни на что не наткаться. А тут ты, Жирное Пятно, жди её у входа. Она поскользнётся на тебе и будет падать. Падая, схватится за крышку чума. А я буду сидеть наверху, не удержусь и упаду на неё. Шибко ударю её в лоб. Ну как?

И пятеро неразлучных друзей-храбрецов двинулись занимать свои места.

Половинка Иголки посадил Камень на верх, и Камень сделал вид, что прижимает крышку чума от ветра. Рыбий Пузырь забрался в очаг и закопался в золе. Половинка Иголки спрятался в ведре. А Скрип, который мешает спать, забрался под постель людоедки и тут же стал скрипеть, как никогда в жизни не скрипел. Ну и старался же он!

Людоедка открыла свой единственный людоедский глаз и запела (людоеды ведь говорить по-человечески не умеют: они умеют только петь и смеяться):

— Ветер очень шумит! Скрип мешает спать. Однако, поищу его! Ха-ха-ха!

Она подползла к очагу и стала раздувать свою единственную щёку — дуть на угли. Огонь вспыхнул, и в этот момент Рыбий Пузырь лопнул и засорил ей золой глаз.

— Глаз промою, воды, однако, попью. Ха-ха-ха! — пропела людоедка (так поют людоеды в таких случаях).

Поползла она по чуму, половинкой носа нюхает, одной рукой шарит, ведро ищет.

Нащупала ведро, стала пить из него. Половинка Иголки, не будь дурак, скользнул по стенке ведра и, как договорились, юркнул в людоедское горло.

Людоедка уронила ведро, стала кашлять, прыгать по чуму и наткаться на всякие вещи.

— Что-то в горло попало! На улицу, однако, пойду! Ха-ха-ха! — запела людоедка.



Отогнула полость чума и наступила на Жирное Пятно, который давно поджидал её.

Жадная-кроважадная, прожорливая и страшная людоедка упала и, падая, схватилась за покрывку чума. Весь чум задрожал, Камень скатился сверху и ударил людоедку в лоб. Шибко ударил! Как договорились.

— Умираю, однако, — пропела Сиге. — Ха-ха-ха!

И — прямо в очаг. И чум опрокинула.

Заполыхал огонь, загудел, зашипел, и повисла в воздухе чёрная копоть. Искры с жужжанием летели в звёздное небо, гасли, но продолжали жужжать. И тут друзья заметили, что копоть живая, с крылышками и длинными острыми носами. Так на земле появились комары, которые летом висят над тундрой, как копоть, и кусают всех, кто ни попадётся.

А пятеро друзей, пятеро неразлучных друзей-храбрецов, стали праздновать свою победу над злой людоедкой Сиге. Они ели, пили, потом песни пели, потом плясали.

И тут Скрип, который мешает спать, проскрипел:

— Я победил Сиге! Я её разбудил! Трудно было, однако, её разбудить — крепко спала.

— Не скрипи! Замолчи! — зашипел Рыбий Пузырь. — Это я ей глаз золой засыпал! Я!

— Ты, Рыбий Пузырь, совсем, однако, пустой. Это я залез ей в горло, — сказал Половинка Иголки, — значит, я главный!

— Нет, я! — крикнул Жирное Пятно.

— Тогда кто же её ударил по лбу? — спросил Камень. — Вы, что ли?

И стали друзья спорить, ругаться, и дело чуть до драки не дошло.

Я недавно проходил мимо чума, где живут пятеро друзей, пятеро неразлучных друзей-храбрецов, и сам слышал, как они ругались. Наверное, и сейчас ругаются. Но точно — ругаются, нет ли — не скажу.

А летом и сейчас над тундрой, как копоть, висят злые комары.



Скрип, который  
мешает спать



Мимо пашни,  
Мимо стройки  
Едет двоечник на двойке.

Сам сидит кавалеристом,  
Гонит резвого коня.  
— Эй! — кричит он трактористам. —  
Принимаете меня?

Трактористы землю пашут  
И в ответ руками машут.  
— Нет, — кричат, — куда трогай!  
Проезжай своей дорогой!  
Чтоб на тракторе суметь,  
Нужно знания иметь.

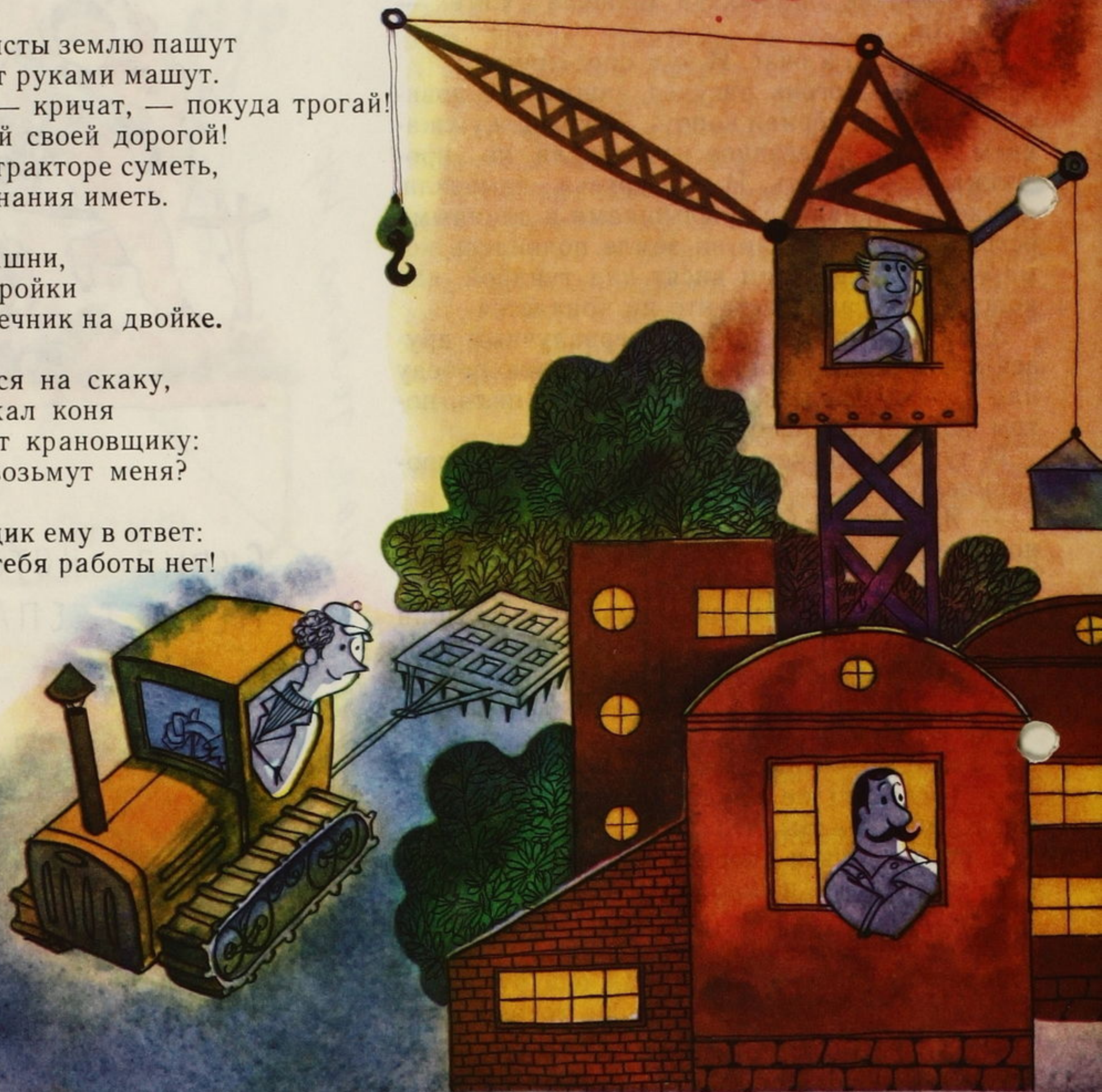
Мимо пашни,  
Мимо стройки  
Едет двоечник на двойке.

Обернулся на скаку,  
Придержал коня  
И кричит крановщику:  
— Тут возьмут меня?

Крановщик ему в ответ:  
— Для тебя работы нет!

# Ехал дв на дв

В. ДАНЬКО



# ДВОЕЧНИК НА ДВОЙКЕ

Рис. В. ЧИЖИКОВА

Ты учился-то с трудом —  
Разве ты построишь дом?

Село солнце за горой.  
Дальше едет наш герой.  
Мимо цеха заводского  
Правит он коня лихого.  
В окнах цеха яркий свет.  
— Тут возьмут меня иль нет?

Отвечал ему рабочий:  
— Ты учился-то не очень!  
Сразу видно, что лентяй.  
Так что мимо проезжай!

Всю страну почти объездив,  
Приуныл лихой наездник.  
Да, выходит, дело туго,  
Двойка дышит тяжело,  
С треском лопнула подпруга,  
Набок съехало седло.  
С двойки двоечник свалился.  
Ух народ-то веселился!

Стало двоечнику стыдно.  
— Эх, — вздохнул он глубоко, —  
На таком коне, как видно,  
Не уедешь далеко.





Мой день  
рождения



День рождения  
папы



День рождения  
мамы



День рождения  
бабушки



День рождения  
дедушки



Первый  
весенний листок



Первый снег



Первая гроза



Первая ягода



Первый  
осенний лист



Приём в пионеры



Первый раз  
на коньках



Первый гриб



Грачи прилетели



Праздник  
красной звёздочки



Отъезд в лагерь

Эти рисунки к календарю (стр. 16—17) «Дни рождения» вырежь и сразу же наклеи на календарь. Тогда ты не забудешь вовремя поздравить своих родных. Остальные рисунки сложи в конверт и наклеивай, когда произойдёт какое-нибудь событие.

# Борщ с куском свежего хлеба

В. СУХОМЛИНСКИЙ

Было у матери два сына — Петро и Кузьма. Петро работающий, а Кузьма лентяй из лентяев. Поехал Петро в поле землю пахать, а ленивый брат спрятался в саду и улёгся под грушей.

А мать хлопочет: «Что бы сынам сварить на обед повкуснее?» Сварила борщ со свежей капустой, укропом посыпала. Сметаны приготовила. К борщу испекла свежего хлеба. Стала ждать сыновей.

Уже и солнце склонилось к вечеру, а Петро не возвращается. Ленивому Кузьме надоело лежать под грушей и есть хочется, а не решается он идти в хату.

Приехал Петро, умылся, сел за стол. И Кузьма сел. Налила мать им борща, нарезала хлеба. Ест Петро и похваливает: — Ой и вкусный же ты борщ варила. А хлеб какой душистый!

А ленивый Кузьма похлебал немного, отложил ложку и говорит:

— Да не такой уж он и вкусный. И хлеб как хлеб!

Поглядела на него мать, покачала головой и сказала:

— Поезжай-ка ты, сынок, завтра в поле, тогда и борщ будет вкусным, и хлеб душистым.

Перевели с украинского Е. ЕРШОВА, К. ОРЛОВА



В дорогу,  
в плавание,  
в полёт —  
узнаем,  
как страна  
живёт!

# ПРИГЛАШАЕМ В ДУЛЁВО!

**ГДЕ** СДЕЛАЛИ  
ТВОЮ ЧАШКУ?  
**КАК** ПОЙМАТЬ  
ЖАР-ПТИЦУ?  
**ПОЧЕМУ**  
ФАРФОР ПОЁТ?

На фарфоровом  
заводе встретились  
художник Пётр Леонов,  
Мурзилка  
и писатель  
Владислав Бахревский.

Оформление В. ДМИТРИЮКА, В. КУДРЯВЦЕВОЙ,  
Д. ФАСТОВСКОГО

— А зачем мы приехали сюда? —  
спросил Мурзилка. — О чём мы здесь  
узнаем?

— Мы узнаем, дорогой Мурзилка, о  
людях, которые делают свою работу  
красиво, доброту, качественно. — Так  
начал рассказ писатель В. Бахревский.

Чай можно пить из обыкновенной же-  
лезной кружки, но приятней и красивее  
из фарфоровой чашки. Возьми её и по-  
ставь на ладонь. Осторожно ударь ка-  
рандашом по краю. Звенит? Поёт!

Если поёт — значит, хороший фар-  
фор.

Давай посмотрим, где эту чашку сде-  
лали. Переверни её кверху доньш-  
ком... На доньшке нарисована  
птица. Это клеймо Дулёвского  
завода. А сама птица в завод-  
ском музее. Её сделал Алексей  
Георгиевич Сотников. На вы-  
ставках в Париже, в Брюсселе,  
в Монреале он получал за  
свои работы самые высокие  
награды.

А теперь поставим на стол  
чашки, чайник, блюда.

Каким жарким огнём горит  
сервиз «Золотой олень»! Как  
загадочно мерцает серебряная





палитра сервиза «Морозко»! Это ночные цветы «Красавицы». А вот осень. Яркая и прекрасная, как очень хорошая песня.

Когда-то Дулёвский завод принадлежал фабриканту Кузнецову. Фабрикант не пожелал отдать свой завод революционным рабочим. Он сжёг его. Думал, что рабочие разбредутся. Погибнет красота. Но рабочие не разбрелись. Они отстроили свой завод. Правда, фарфор в годы разрухи, когда не было нужных химических препаратов, потерял свою белизну. Но на завод приехал молодой художник Пётр Васильевич Леонов. Фарфор был нехорош, но художники-то не перевелись!

Леонов и его помощники стали расписывать фарфор так, как это делала когда-то одна знаменитая мастерица — Агафья. Была она простой русской женщиной, и рисунки её дулёвцы называли «агашками». А роспись-то получилась нарядная и красивая. И всем очень нравилась!

В начале тридцатых годов в СССР прибыл первый американский посол

Буллит. Стало известно: президент поручил ему заказать во Франции фарфовый сервиз на 1200 персон, но Буллит понравился советский фарфор, и он приехал в Дулёво.

— Американцы должны купить сервиз у нас, — сказал живописцам Леонов. — Стране необходимы доллары для приобретения за границей металлургического оборудования.

Художники не подкачали. Они покрыли сервиз золотом и расписали его чудесными цветами. Сервиз горел, как жар-птица.

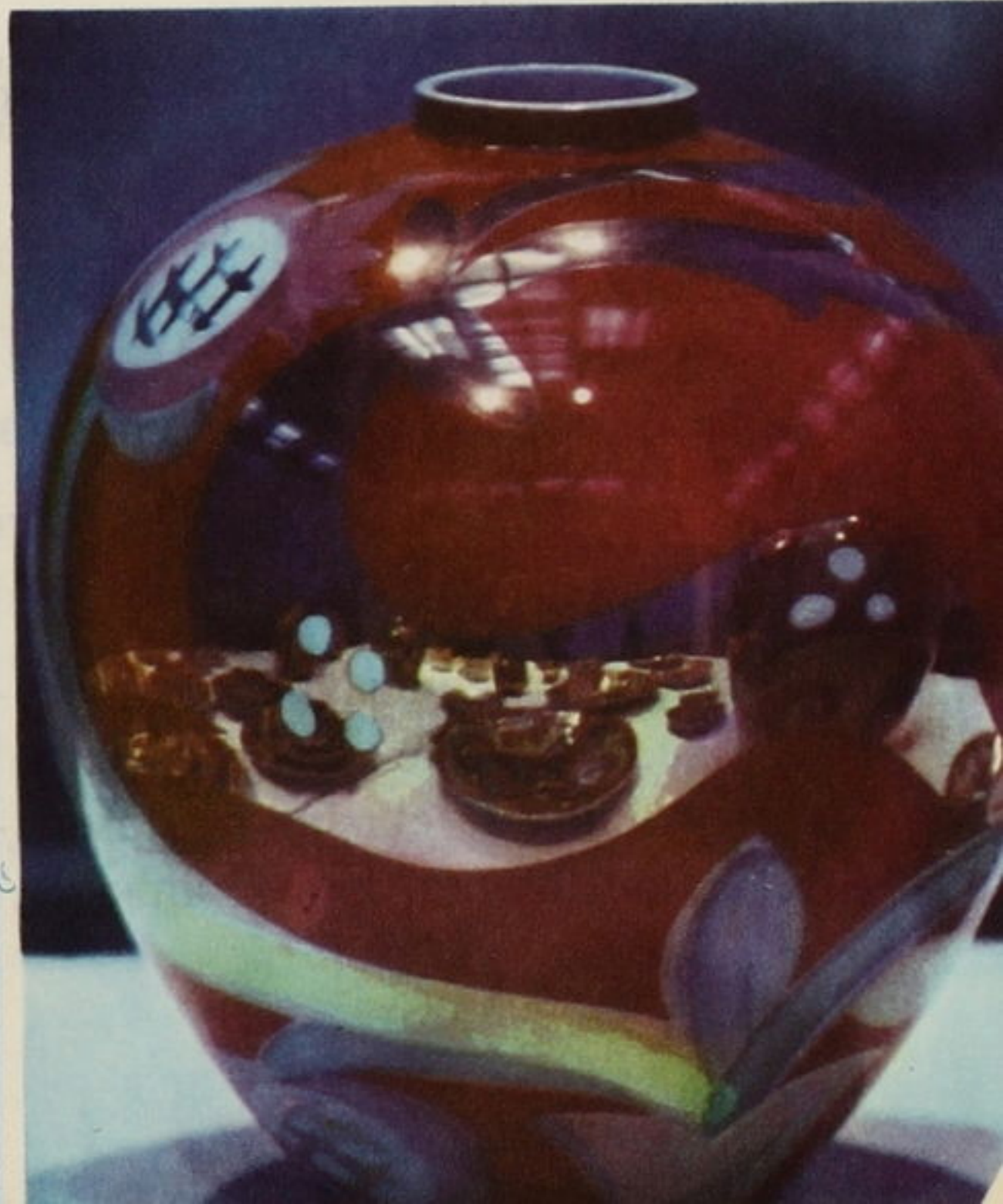
— О'кэй! — воскликнул посол. Такого фарфора он никогда ни в одной стране не видел.

На самых крупных международных выставках дулёвский фарфор получал золотые медали.

Одним из первых подарков Юрию Гагарину после его возвращения из космоса была ваза, сделанная в Дулёве.

Великое ли дело посуда? Тарелки, чашки. Так ведь как сделать! Дулёвский фарфор — это настоящий праздник на вашем столе.





**В**чера к нам в окно настоящий, живой чиж залетел. Батюшки мои, да откуда же он здесь взялся, в центре города?!

— Мама! — заорал я. — Мама моя родная! Беги сюда! Смотри кто! Вот это птица! Ну и симпатяга! Да ты посмотри! Блеск!

Мама примчалась с кухни вся, как была, красная, со свёклиной в руке, а

— Да какой же он дикий?! Он просто чиж! Скажешь тоже. Чиж — и дикий!

— Но ведь не ручной же? — сказала мама.

— Ура! — заорал я. — Он нам рожицы корчит! Вот симпатяга, да, мам?

— Верно, — сказала мама. — Скоро шесть, папа придёт.

— Он уже пришёл, ваш папа, —

# ПАФНУТИЙ

Сергей ВОЛЬФ

Рис. В. ЧАПЛИ

чиж вовсе не растерялся, а, наоборот, гордо уселся на часы-ходики с кукушкой, глядел на нас, склонив головку набок, задиристо и вполне весело своими любопытными глазками.

— И правда птица, — вздохнув, сказала мама. — Да ну тебя! Сам, наверное, уже давно притащил его домой, а сейчас делаешь вид.

— Как? — удивился я. — Да в чём же я его принёс? В руке?

— Зачем «в руке»? В клетке, — сказала мама.

— А клетка, клетка-то где?!

— Спрятал, — сказала мама.

— И зачём её прятать?

— Ну... чтобы будто он сам залетел.

— А это-то зачем?!

— Ну... так веселее. Затем.

— Тогда веселись, — говорю. — Он сам залетел, убей меня гром!

— Не верю, — сказала мама. — Чтобы дикая птица, дикий чиж и...



сказал папа, входя. — Эх и погодка! Холодина!

— Тсс, — зашептал я. — Пап, смотри кто. Чиж. Живой. Сам к нам в форточку залетел — фырть!

— Ручной, что ли? — спросил папа.

— Почему ручной? Дикий. Из леса.

— Внимание! — сказал папа. — Шесть часов. Сейчас кукушка из ходиков будет выпрыгивать. Он ей задаст дрозда, наш чиж.

— Ни за что он её не тронет, — сказала мама. — Такую крохотулю.

— Тихо, ребята, — сказал я. — Не спорьте.

— Вот сейчас, — сказал папа, и тут же кукушка стала выпрыгивать из часов и куковать, но чиж от неё отвернулся.

— Чует, что это сплошная липа, — сказал папа. — Ручной.

— Да дикий же! — сказал я. — Они не бывают ручные.

— Да? — сказал папа. — Уверен?.. Пафнутий, — позвал он и сделал руку полочкой. — Кушать, бандит! Вот тебе семечки!

Мы с мамой обомлели: чижики крутанули головой, пискнули и спорхнули папе на ладонь.

— Дела! — сказал я. — Пап, ты его знаешь? Мам, пусть он скажет.

— Не-а, — папа засмеялся. — Ешь, Пафнутий!

— Он же в форточку влетел, — сказала мама.

— Ладно, — сказал папа. — Ремонт у нас в лаборатории, вот я и забрал его домой.

— Ерунда, — сказал я. — Он влетел — я сам видел.

— Правильно, — сказал папа. — Это я его забросил в форточку.

— Зачем? — сказала мама.

— Ну...так веселее, — сказал папа.

— А ты не боялся, что наш Пафнутий обратно удерёт? — спросил я.

— Не-а, тут тонкий научный расчёт. Обоим у нас дома голубые, он и



не боится: там у нас в лаборатории всё небесно-голубое.

— Что же ты никогда мне про Пафнутия не рассказывал? Эх, папа, — сказал я.

— Разве? — удивился он. — Я думал, рассказывал. Работа, то да сё. Замотался, позабыл.

— Эх ты, папа, — сказал я.

— Постой, — сказала мама. — Ты в клетке его принёс? Где клетка?

— Не в клетке, — сказал папа. — В руке. Так ему было теплее.

Петя-Петя,  
Петушок  
Целый день  
Учил стишок.  
А запомнил  
Он строку  
Лишь одну:

...тя-Петя,  
 ...ок  
 ...день  
 ...ок.  
 ...п

К Ж А Р Е К У  
 К Ж А Р Е К У

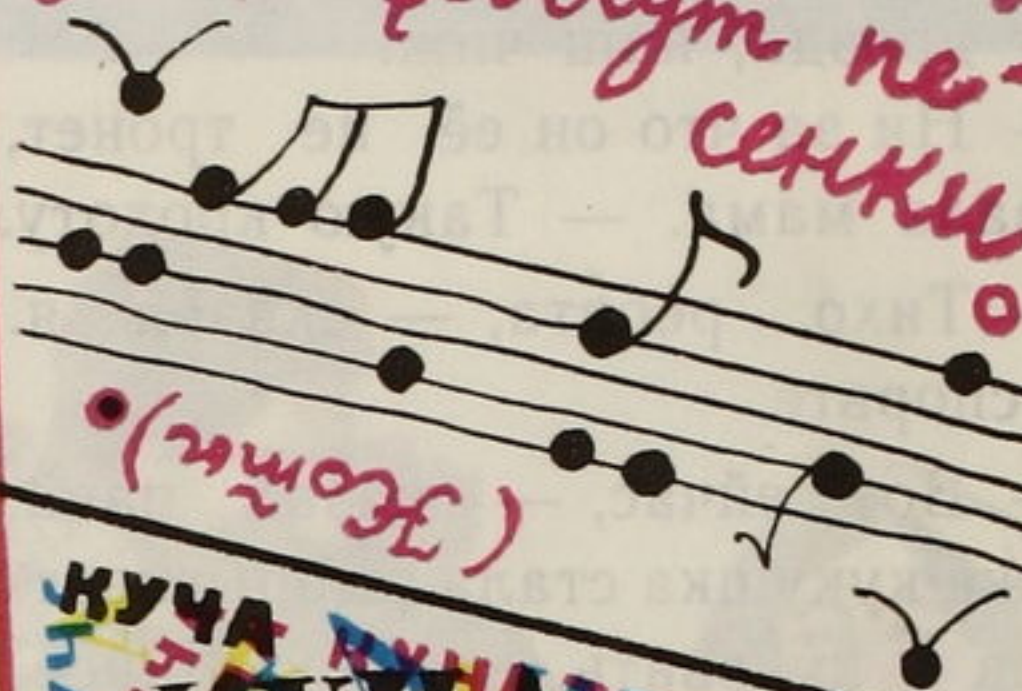


Отшумели, отлетели  
В рощах жёлтые метели.  
Ни листочка! А дубок  
Листья крепкие сберёг.  
Все вороны удивлённо  
На дубок глядят зелёным  
Даже дедушка декабрь  
Подошёл и крикнул:  
- Храбр-р!



В. ДАНЬКО

На листочке,  
На страничке-  
То ли точки,  
То ли птвички.  
Все сидят на ле-  
сенке,  
Все щедругут пе-  
сенки.



Е. НОВИЧИХИНА

Здравствуйте,  
Здравствуйте,  
Здравствуйте,  
Здравствуйте,

шубы и шапки-ушанки!  
лыжи и быстрые санки!  
снежные горы, катки!  
звонкие кони-коньки!



Редактор  
В. МАТВЕЕВ

Редколлегия:  
З. Александрова,  
С. Алексеев,  
А. Барто,  
Л. Воронкова,  
А. Ермолаев,  
Н. Емельянова,  
Е. Ершова  
(зам. редактора),  
Ю. Казанов,  
М. Коршунов,  
А. Митяев,  
Ю. Молоканов,  
К. Орлова  
(ответственный  
секретарь),  
Е. Рачёв,  
Н. Чеснокова,  
В. Чижиков

Художественный  
редактор  
Г. Макавеева

Технический  
редактор  
Л. Петрова

Сдано в набор  
9/X 1975 г.  
Подписано к печати  
27/X 1975 г.  
Формат 84×108<sup>1/16</sup>.  
Печ. л. 2 (усл. 3,36).  
Уч.-изд. л. 4.  
Тираж 5 800 000 экз.  
Цена 10 коп.  
Заказ 1626

Адрес редакции,  
издательства  
и типографии  
ЦК ВЛКСМ  
«Молодая гвардия»:  
103030, Москва,  
К-30, ГСП-4,  
Сущёвская, 21.  
Телефон 250-45-08.

Рисунок  
на обложке  
Е. МОНИНА

СОМ УСАМИ,  
СЛОН УШАМИ  
ШЕВЕЛИТ  
ВО СНЕ  
ЧАСАМИ.



ПОЧЕМУ УПАЛ МАРАТ?



Бежал Марат —  
Упал Марат!

Ах, кто же в этом виноват?!

Вдруг разглядел в пыли Марат  
От апельсина Корку:

— Так вот кто в этом виноват!  
Задать бы Корке порку!

Но Корка говорит в ответ:  
— Моей вины тут вовсе нет.  
Ты сам меня и бросил.  
Давай с тебя и спросим.



# МУРЗИЛКИНО ПИСЬМО

Рис. Э. АВАКЯН



Цена 10 коп.

Индекс 70553